

**К истории подготовки договора ПНР – ФРГ 1970 г.:
от конфликта интересов к первым контактам
(конец 40-х – начало 60-х гг. XX в.)**

Носкова Альбина Федоровна
Доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: noskova.albina@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-9629-5648

Цитирование

Носкова А. Ф. К истории подготовки договора ПНР – ФРГ 1970 г.: от конфликта интересов к первым контактам (конец 40-х – начало 60-х гг. XX в.) // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 105–138.
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.05

Статья поступила в редакцию 25.06.2024.
Рецензирование завершено 17.09.2024.
Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация

После завершения Второй мировой войны в международных отношениях стран Центральной и Восточной Европы одной из важнейших являлась проблема урегулирования западной границы Польши (ПНР) по линии Одер – Нейсе. Ее решение осложнилось в результате создания двух германских государств – ФРГ и ГДР, взаимно друг друга не признававших. Польша смогла добиться заключения Згожелецкого договора 1950 г. с граничившей с ней ГДР о признании границ, в т. ч. по линии Одер – Нейсе. Эта граница не признавалась ФРГ в лице канцлера К. Аденауэра и правящей коалиции ХДС/ХСС. Руководство ФРГ готово было развивать контакты с ПНР в обход вопроса о границе, по линиям экономического и культурного сотрудничества, время от времени напоминая польской стороне о непризнании линии Одер – Нейсе. Указанная тактика Аденауэра реализовывалась через обмен мнениями с польской стороной посредством прессы и публичных выступлений, а также через контакты представителей польского правительства с неофициальным эмиссаром канцлера – влиятельным немецким промышленником Б. Байцем.

ПНР поддерживала эти связи, однако в главном ее позиция оставалась твердой: сначала признание линии Одер – Нейсе, потом установление дипломатических отношений. Такой подход ПНР к отношениям с ФРГ был возможен в том числе и благодаря СССР, последовательно отстаивавшему указанную германо-польскую границу начиная с 1945 г.

Ключевые слова

Польская Народная Республика, Федеративная Республика Германия, германо-польские отношения, история внешней политики СССР, нерушимость границ, территориальная целостность.

Договор – это итог соотнесения взаимных интересов, результат политических намерений и дипломатических усилий, в данном случае польских и немецких политиков. Это – всегда добровольная или вынужденная, но деловая политическая сделка с целью достижения немедленных или отложенных приобретений. Послевоенный договор – сделка вдвойне, ибо, как правило, это наказание проигравших волею выигравших и поощрение победителями самих себя. Послевоенный договор – это, наконец, итог политико-дипломатического состязания победителей за место и роль в послевоенном мироустройстве. В науке этот процесс назван мирным урегулированием отношений. Применительно к побежденной во Второй мировой войне Германии и к интересующей нас «малой» победительнице – Польше этим занимались лидеры держав антигитлеровской коалиции И. В. Сталин, У. Черчилль и Ф. Рузвельт в Ялте и Потсдаме в 1945 г. Они «передвигали» государственные границы, умиротворяя поляков и наказывая немцев, «переселяли» тех и других, преследуя собственные геополитические интересы в Европе. В результате их деятельности в 1945 г. поляки окончательно лишились в пользу СССР западноукраинских и западнобелорусских земель, завоеванных у Австро-Венгрии и России в 1918–1920 гг. В Польше они именовались «восточными кресами» и с сентября 1939 г. находились в составе СССР. Взамен Польша в 1945 г. получила от трех великих союзников «под управление» восточные и северо-восточные земли Германии до линии рек Одер – Нейсе, а также балтийское побережье, включая порт Щецин (Штеттин) и две трети Восточной Пруссии. Согласно принятому Советским Союзом по праву главного победителя постановлению ГКО СССР от 20 февраля 1945 г. и заключенным в апреле и августе 1945 г. советско-польским договорам о дружбе и границе

с Польшей, линия рек Одер – Нейсе превратилась в восточную границу советской зоны оккупации Германии. Указанные договоры и решения великих держав, принятые в августе 1945 г., гарантировали неприкосновенность новых западных и северо-западных земель, западной и восточной границ Польши и закреплялись присутствием здесь ограниченных контингентов советских войск.

Так по итогам войны возродилось новое государство Польша. Утвердилась неизменяемость национальной территории проживания поляков вплоть до возвратного на этот счет решения тех, кто границу по Одру – Нейсе установил в 1945 г., т. е. представителей трех великих держав. Правда, общественное сознание многих поляков тревожили утрата «восточных кресов» в пользу СССР, неустановленный срок пользования территориальными приобретениями за счет довоенной Германии, лидирующие политические позиции коммунистов в системе новой коалиционной власти.

Немцы – бывшие граждане побежденной страны жили теперь на территории, поделенной на 4 оккупационные зоны. Одна из них, восточная и северо-восточная, была под контролем советской администрации. Три другие (американская, английская, французская) находились под контролем западных союзников и в политическом смысле вместе именовались Западной Германией. По условиям установленного союзниками оккупационного режима немцы утратили единую национальную государственность и немалую часть территории в пользу Польши и отчасти СССР. Они были поражены и в гражданских правах. С постепенным смягчением оккупационного режима в Германии ситуация менялась, и в 1949 г. появились два отдельных немецких государства: Западная Германия стала Федеративной Республикой Германия, а территория советской зоны – Германской Демократической Республикой.

Согласно Основному закону ФРГ (1950 г.), территория довоенной Германии, включая территорию ГДР, считалась «подведомственной» только правительству в Бонне. Несмотря на то, что ФРГ обрела институты национальной власти и органы местной администрации, в 50-е гг. XX в. ее внутренняя жизнь по-прежнему контролировалась оккупационными войсками западных держав, а внешняя политика была значительно ущемлена. Оформившаяся тогда же ГДР, контролируемая Москвой, располагала основными признаками государственности и обладала близкими к советскому типу социально-политическими порядками. Однако присутствием советских оккупационных войск она была существенно ограничена как во внутренней политике, так

и в области международных отношений. Тем не менее ГДР в 1950-е гг. имела дипломатические отношения с СССР и союзными странами Восточной Европы, за исключением Югославии, а также с некоторыми иными государствами.

С оформлением двух немецких государств единый немецкий народ был разделен «внутренней» государственной границей между ФРГ и ГДР. В ГДР ее назвали Государственной граница «Запад». При специфике и отчасти похожести внутренней политической ситуации в ФРГ и ГДР общим был национальный состав их населения – немцы, коренные и выселенные с бывших немецких территорий, переданных Польше и СССР. И в Польше теперь жили в подавляющем большинстве поляки, в том числе – переселенцы, в основном с советских западных и юго-западных территорий. Они осваивали земли, ранее бывшие немецкими. Положение и немцев, и поляков усложняли так и не принятые в 1945 г. главами великих держав *окончательные решения о границе по линии Одер – Нейсе*, которая теперь была границей между ПНР и ГДР¹.

В условиях наступившей «холодной войны», формирования военно-политического противостояния восточного и западного блоков, в особо напряженной атмосфере конца 1940-х – 1950-х гг. происходило расширение военного потенциала существовавших с весны 1955 г. двух военно-политических блоков: на востоке континента – Организации Варшавского договора (ОВД), на западе – НАТО². Командованием НАТО рассматривался вопрос об оснащении бундесвера ФРГ ядерным оружием. Вместе с тем на западе и востоке континента рождалось понимание угрозы новой катастрофы в Европе в результате возможной атомной войны.

В таких международных условиях для Польши, как и для ГДР, был чрезвычайно важен факт взаимного признания линии Одер – Нейсе в качестве общей границы. В ФРГ эту границу, как и государство

1 В марте 1959 г. президент Франции Ш. де Голль признал право Германии на объединение территории в уже существующих границах, что означало признание польско-германской границы по Одере и Нейсе, но непризнание Государственной границы «Запад» между ГДР и ФРГ (*Friszke A. Polska. Losy państwa i narodu. 1939–1989. Warszawa, 2003. S. 243*).

2 ФРГ была принята в НАТО 6 мая 1955 г. После ратификации Парижских соглашений бундестагом Бонн стал полноправным членом альянса. Решение вступило в силу 30 июня 1955 г. Затем последовало создание бундесвера и Федерального министерства обороны.

ГДР, не признавали. Тем не менее в конце 1940-х – начале 1950-х гг. проходили длительные переговоры представителей ПНР и ГДР об установлении межгосударственных отношений. Руководство Социалистической единой партии Германии еще до 1948 г. имело представления об условиях договоренностей с Польшей, правда, рассчитывало тогда на некую «ревизию» польской западной границы в свою пользу. Этот расчет исчез в условиях начавшейся в июне 1948 г. советской блокады Берлина и общего обострения международной ситуации. В 1948–1949 гг. в результате переговоров представителей ГДР и ПНР Берлин согласился, что установление отношений с ПНР невозможно без признания границы по линии Одер – Нейсе. 12 октября 1949 г. глава правительства ГДР О. Гротеволь сделал соответствующее заявление. 18 октября 1949 г. Польша признала суверенитет территории ГДР. 20 февраля 1950 г. в Варшаву поступило предложение ГДР об установлении дипломатических отношений. Заинтересованная в дружественных отношениях с соседней страной и в обеспечении безопасности своих границ, получив от ГДР признание линии Одер – Нейсе, Польша 26 февраля 1950 г. ответила положительно на предложение налаживания отношений двух стран³.

6 июля 1950 г. в польском приграничном городе Згожелец состоялось подписание двустороннего Договора о демаркации «государственной границы между Польшей и Германией (курсив мой. – А. Н.)»⁴. 9 августа договор был ратифицирован Народной палатой ГДР и в ноябре 1950 г. вступил в силу. Отмеченная выше формулировка в договоре содержалась и в преамбуле к нему, на что обратил внимание российский историк Н. Н. Станков, отметив точность воспроизводства в Згожелецком договоре решения Потсдамской конференции Большой тройки. Кроме того, вслед за польским историком Б. Вевюрой Станков указал на «его **исполнительный характер** (выделено Н. Н. Станковым. – А. Н.) по отношению к Потсдамскому решению...», которое

3 15 февраля 1950 г. Национальный совет ГДР принял решение о признании этой границы. См.: *Станков Н. Н.* ГДР и ее восточные соседи. Становление отношений с Польшей и Чехословакией. 1949–1955. Саратов, 1991. С. 33, 36; *Гавриловец Л. В.* К вопросу о польско-германских отношениях в 1949–1955 гг. // Современная научная мысль. 2020. № 4. С. 162–169.

4 *Носкова А. Ф., Григорьянц Т. В.* Згожелецкий договор 1950 г. // Советское славяноведение. 1975. № 5. С. 3–12. Текст договора см.: *Polska w stosunkach międzynarodowych. 1945–1989. Wybór dokumentów / oprac. J. Zajac.* Warszawa, 2005. S. 68–69.

продолжало действовать и в случае объединения Германии⁵. Згожелецкий договор укреплял внешнеполитическую устойчивость общей границы и территорий Польши и ГДР. Он повышал надежность западной границы ПНР с ГДР и, что вытекало из Потсдамских решений, границы объединенной в будущем Германии с Польшей. Бóльшая часть ее территории в 1950 г. называлась ФРГ. Являясь производным от раздела Германии в 1945 г. на сферы оккупации и затем от появления двух немецких государств, граница Одер – Нейсе для Варшавы в 1950–1960-х гг. становилась фактором сохранения послевоенной территории ПНР, надежным гарантом которой выступал Советский Союз. ФРГ, правительство которой упорно продолжало считать Потсдамские постановления утратившими силу по окончании войны, теряла возможность поставить под сомнение сложившуюся ситуацию. Кроме того, после подписания Парижских соглашений 23 октября 1954 г., по которым ведущие страны Запада взяли на себя обязательства обеспечить объединение Германии, но не исполняли их, в Варшаве стали рассматривать продолжение существования ФРГ как прямое нарушение указанных договоренностей⁶.

К середине 50-х гг. XX в. в условиях некоторого ослабления международной напряженности, отражением чего была конференция в Женеве в июле 1955 г. с участием глав США, СССР, Великобритании и Франции, в том числе по вопросу объединения Германии (ФРГ и ГДР), а также конференция министров иностранных дел этих держав в октябре – ноябре 1955 г.⁷, руководство ПНР определилось с внешнеполитическими задачами в отношении ФРГ. Варшава намеревалась добиться от Бонна подтверждения необратимости решений Потсдамской конференции касательно линии Одер – Нейсе в качестве западной границы Польши, с 1949 г. фактически с ГДР; установить с ФРГ дипломатические отношения с целью организации политических контактов, а также, возможно даже в первую очередь, для налаживания экономических связей с целью использования возможностей развитой немецкой промышленности и торговли. С этой целью был предпринят ряд дипломатических шагов. 31 января 1955 г. правительство ПНР сделало заявление о прекращении войны с Германией.

⁵ Станков Н. Н. ГДР и ее восточные соседи... С. 46.

⁶ См. подробнее: История дипломатии / под. ред. А. А. Громыко и др. М., 1974. Т. 5. Кн. 1. С. 413–416.

⁷ Roszkowski W. Półwiecze. Historia polityczna świata po 1945 roku. Warszawa, 1997. S. 91.

16 марта 1955 г. глава правительства Ю. Циранкевич заявил о готовности нормализовать отношения с ФРГ; 6 июля 1955 г. на этот счет повторно высказался глава ЦК ПОРП Б. Берут⁸.

В середине 1950-х гг. ПНР и ГДР во многом завершали процесс взаимного признания и организации системы отношений на основе двусторонних договоров. 21 сентября 1955 г. правительство ПНР, в связи с вступлением ГДР в состав Организации Варшавского договора, окончательно признало суверенитет ГДР и установило с ней дипломатические отношения. Последнее произошло через неделю после визита в СССР К. Аденауэра, где ФРГ сделала первый шаг к контактам с миром социализма. 13 сентября 1955 г. в Москве, обойдя проблему польско-германской границы по линии Одер – Нейсе, СССР и ФРГ подписали Соглашение об установлении двусторонних дипломатических отношений⁹. Однако принятая в ФРГ в декабре 1955 г. «доктрина Хальштейна», смысл которой состоял в установлении внешнеполитической изоляции ГДР от всех стран, кроме СССР, становилась серьезным препятствием, затруднившим (по причине признания ГДР Варшавой) процесс урегулирования отношений ПНР с ФРГ¹⁰. Для Федерального правительства налаживание контактов с ПНР было желательно, но с политической точки зрения спешить с этим было нецелесообразно. В Бонне полагали, что установление отношений с Варшавой, которая имеет не только дипломатические и военно-политические, но и экономические связи с Берлином, может де усилить ГДР, чего в Бонне вовсе не желали, продолжая именовать ГДР «зоной советской оккупации».

Ситуация, когда необходимость договариваться с Бонном о признании границы ПНР по линии Одер – Нейсе откладывалась на близкую (или не очень) перспективу, вкупе с обострением внутренней общественно-политической ситуации в стране способствовала снижению внешнеполитической активности Варшавы. Общественный

8 Кроме того, еще 23 августа 1953 г. руководство ПНР по согласованию с Москвой официально отказалось получать от ГДР выплаты по репарациям начиная с 1 сентября 1954 г. См.: *Гавриловец Л. В.* К вопросу о польско-германских отношениях... С. 165.

9 См. прим. 39.

10 «Доктрина Хальштейна» была выдвинута государственным секретарем МИД ФРГ В. Хальштейном и одобрена бундестагом. Ее смысл состоял в недопущении установления отношений любой страны с ГДР. ФРГ была готова идти на разрыв отношений со странами, признавшими ГДР.

кризис провоцировался послевоенными политическими порядками и репрессиями в стране, но прежде всего недовольством населения социально-экономическими условиями жизни: советская экономическая помощь Польше не могла изменить польскую ситуацию в лучшую сторону, а сама страна только завершала послевоенное восстановление и модернизацию экономики. Негативную составляющую кризисной ситуации в Польше усиливали национальная память поляков о «польской» политике России – СССР, которая нередко оценивалась негативно, а во многом также и послевоенные репрессивные действия польских спецслужб и деятельность советских советников¹¹. Все это, вместе взятое, вызвало массовые ответные протесты в стране, и, в конечном итоге, вылилось летом – осенью 1956 г. в глубокий социально-экономический и острый политический кризис¹².

В то же время почти одновременно с социально-политическими, национально окрашенными и антисоветскими протестами ситуация переживаемого кризиса рождала и массовую поддержку перемен, предлагавшихся новым руководством ПОРП во главе с В. Гомулкой. Их сторонниками выступали те поляки и силы в ПОРП, которые, не отказываясь от партийно-политического взаимодействия и экономических связей с СССР, акцентировали внимание на самостоятельном принятии внутри- и внешнеполитических решений в интересах страны¹³. В подобной трактовке «польского вопроса» в октябре – ноябре 1956 г. руководству ПНР удалось достичь взаимопонимания с Москвой. Оно сохранялось и во время воплощения принятых решений в жизнь новым руководством как во внутренней, так и во внешней политике¹⁴.

11 См. подробнее: Польша в XX веке. Очерки политической истории / редкол.: Г. Ф. Матвеев, А. Ф. Носкова (отв. ред.), Л. С. Лыкошина. М., 2012. С. 630–668.

12 См. подробнее: *Орехов А. М.* Очерки истории экономических отношений СССР – ПНР. 1944–1957. М., 2017. С. 91–154 (глава 2).

13 См. подробнее: *Орехов А. М.* Беседы под сводами Бельведера. Встреча советских и польских руководителей в Варшаве 19 октября 1956 г. // Славянский альманах. 2007. М., 2008. С. 460–509.

14 В совместном заявлении руководства СССР и ПНР по итогам советско-польских переговоров в Москве, подписанном 18 ноября 1956 г. с советской стороны Н. С. Хрущевым и Н. А. Булганиным, с польской стороны – В. Гомулкой и Ю. Циранкевичем, было указано, что союз Польши с СССР «является важнейшим фактором укрепления независимости ПНР и нерушимости ее границы на Одере и Нейсе – границы мира».

Столь серьезные перемены в общественно-политической ситуации в Польше и корректировку политического курса ПОРП после прихода к власти В. Гомулки внимательно изучали в руководящих структурах СССР. В аналитической записке «К вопросу о внутриполитическом положении в Польше», подготовленной Комитетом информации при МИД СССР и датированной 16 ноября 1956 г., руководство СССР извещалось, что политические круги ведущих западных стран «встретили события в Польше с нескрываемым одобрением», расценили их как проявление «национализма», воспринимали «коммунистический национализм» благожелательно в случае, если «он направлен против СССР». Авторы записки акцентировали внимание именно на таком понимании происходивших в Польше перемен, трактовали политический курс В. Гомулки как опасный¹⁵. В подтверждение использовались оценки польских событий, сделанные

Примечательно, что в разосланных МИД в союзные страны 25 ноября 1956 г. указаниях советским послам говорилось, что ЦК КПСС «приветствует приход к руководству в ПОРП т. Гомулки и со своей стороны окажет ему необходимую поддержку». См.: Архив Президента РФ (АП РФ). Ф. 3. Оп. 66. Д. 48. Л. 159; Д. 49. Л. 14.

15 В отечественной научной литературе расценивают эту политическую фигуру по-разному. Бывает, Гомулку называют националистом, что прямо заимствовано из западного политического лексикона 50-х гг. XX в. Подобный подход тиражируется до сих пор. Если же видеть в Гомулке политика, прошедшего в 1930-е гг. идейно-политическое обучение в СССР, обладавшего опытом подпольной политической борьбы, испытавшего тюремное заключение при режиме санации, участвовавшего в антигитлеровском подполье в годы войны, наконец, осуществившего переустройство страны в 1950–1960-е гг. с учетом особенностей многовековой истории Польши и национальных традиций польского народа, то роль Гомулки в истории страны будет весьма далекой от примитивного национализма. Несомненно, до конца дней он оставался польским патриотом, уверенным в идеях социализма, и одновременно был национально ориентированным польским коммунистом. Пример тому – дискуссии во время пребывания в Москве польской делегации в октябре 1956 г., где Н. С. Хрущев и В. Гомулка отстаивали интернациональные интересы всего содружества и тем самым национальные интересы своих стран. Другое дело, что основную долю ответственности за интернациональные дела несла в первую очередь Москва. См., например: *Рыхловский Б.* В борьбе шестидесятых // 1968 год. «Пражская весна»: 50 лет спустя. Очерки истории. М.; СПб., 2021. С. 298–309.

канцлером ФРГ К. Аденауэром на митинге в Ганновере 26 октября 1956 г.: «Гомулка является явным коммунистом. Это его дело. Но если он требует свободы для своего народа, то мы можем объявить его мнение абсолютно оправданным». Указанное высказывание можно было трактовать и как готовность Аденауэра иметь дело с Гомулкой, что не могло не настораживать советское руководство¹⁶.

Политические перемены, произошедшие в ПНР, вызывали пристальное внимание ведущих политиков на Западе и зарубежной печати. В развитие сути вышеупомянутых высказываний канцлера выступали американские журналисты. Они признавали, что дальнейшее обострение общественно-политической ситуации в Польше «на данном этапе пока невозможно и даже нежелательно из-за опасения военного вмешательства со стороны СССР». В правящих кругах США полагали, что «на данном этапе следует удовлетвориться созданием Польши, “независимой от Москвы“, и не стремиться форсировать реставрацию в Польше капиталистических порядков». Выражалась надежда, что «дальнейшее развитие событий в Польше может привести в конечном счете к созданию в этой стране “демократии западного образца“». Появлялись и весьма тревожные для польского руководства планы привлечения Польши «на сторону демократии», считалось, что «в случае принятия Польшей американской помощи ФРГ, по-видимому, может, со своей стороны, сделать Польше некоторые выгодные предложения и на этой основе начать *формализацию польско-западногерманских отношений* (курсив мой. – А. Н.)»¹⁷.

В Москве внимательно анализировали выдвинутый в ФРГ тезис о «формализации отношений», так же как и исходившие из Бонна намеки на установление неких двусторонних контактов с ПНР для обсуждения договоренностей о правовом решении самой крупной, в первую очередь для Варшавы, внешнеполитической проблемы – признания Западом новой границы Польши по реке Одер и его притоку – Нейсе. Среди известных советских документов, касавшихся внешнеполитического курса Польши, и конкретно вопроса о польской западной границе, наиболее обстоятельными можно считать материалы, поступавшие в МИД СССР как из Польши, так и от советского посла в ГДР Г. М. Пушкина. 12 октября 1956 г. в направленной в МИД телеграмме он констатировал «решительное отклонение границы

16 Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 0122. Оп. 40. П. 1340. Д. 720. Л. 206.

17 Там же. Л. 206–209.

по Одру – Нейсе со стороны западных держав, и в первую очередь Западной Германии». По его мнению, последнее неплохо, ибо «отталкивало от Запада определенную часть националистически настроенных поляков, которые не являются сторонниками народно-демократического режима в Польше», но считают себя польскими патриотами. Западные державы, подчеркивал Пушкин, пытаются активизировать враждебные силы в Польше, «выставив в качестве приманки возможность договориться на компромиссной основе относительно западных границ Польши. Этот трюк... представляет определенную опасность как для Польши, так и для ГДР»¹⁸.

Одновременно Пушкин информировал Москву о понимании проблемы границ социал-демократами в ФРГ, стоявшими в оппозиции властвовавшей коалиции правых ХДС/ХСС: «В западногерманской и западноберлинской печати широко обсуждается выступление социал-демократа К. Шмидта относительно возможности компромиссного решения вопроса о границе по Одру и Нейсе в результате переговоров Западной Германии и Польши...»¹⁹. Ответ на вопрос о содержании компромисса не давался. Тем не менее предложение К. Шмидта о компромиссе при решении вопроса о границе не могло не настораживать Москву и Берлин, не говоря уже о Варшаве. Как важное мнение Пушкин передавал слова, сказанные главой правительства ГДР О. Гротеволем, о том, что «польские друзья... проявляют чрезмерную заинтересованность к установлению дипломатических отношений с ФРГ и не умеют скрывать эту заинтересованность перед западными немцами... Польские друзья явно заигрывают с Бонном». Более того, в этой ситуации Гротеволь полагал целесообразным «ускорить выступление польских друзей относительно соглашения между соседями Германии и двумя германскими государствами о создании зоны ограниченного

18 Осенью 1956 г. Польшу посетил министр госбезопасности ГДР Э. Вольвебер. Беседуя с польскими политиками, он говорил о возможности опасных для ГДР и ПНР последствий польского кризиса: «Вам должно быть ясно, что ГДР может существовать только при наличии на ее территории советских войск [...] без советских войск не будет ГДР, а без ГДР не будет и Польши в ее теперешнем виде [...]. Мы не ставим вопрос о границе по Одру – Нейсе, но вследствие обстановки, как она, очевидно, складывается, в Германии возникнут широкие ревизионистские настроения в отношении границы Одер – Нейсе» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 143. Л. 145, 147).

19 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 143. Л. 124–125.

вооружения»²⁰. Для польской и советской сторон это предложение осенью 1956 г. вряд ли было своевременным.

Во многом под воздействием событий в Польше среди правых политических сил, определявших внешнеполитический курс ФРГ, в том числе по вопросу установленной решениями Большой тройки пограничной линии Одер – Нейсе, теперь раздавались голоса о допустимости контактов с польским правительством. Так, 21 октября 1956 г. на митинге в Дортмунде выступал канцлер ФРГ К. Аденауэр. Представляя позицию правившей коалиции ХДС/ХСС, канцлер выразил свое отношение к политическим переменам в Польше. Признав, что между ФРГ и ПНР «*существуют известные разногласия, связанные с границей по линии Одер – Нейсе*» (курсив мой. – А. Н.), он заявил, что «хотел бы недвусмысленно повторить это сегодня, поскольку в Польше происходят события, большое значение которых еще не поддается обзору». Одновременно канцлер высказывал надежду, что сказанное им «будет услышано также и в Польше», и, наконец, уверял: «Ни один человек в ФРГ не думает о том, что восстановленная Германия будет решать эти разногласия... *иным путем, а не путем переговоров и взаимного согласия*» (курсив мой. – А. Н.». Признав, что «переговоры будут трудными», Аденауэр называл условие их успеха: «...соглашение между нами и свободной Польшей, *неподвластной Москве*» (курсив мой. – А. Н.), абсолютно возможно и даже вероятно»²¹. Это были чрезвычайно важные суждения, которые можно было понять как предложение Польше если не договариваться, то разговаривать с ФРГ.

Высказанное канцлером отношение к смене власти в Польше и понимание открывавшихся возможностей для политики ФРГ на польском направлении были им развиты 8 ноября 1956 г. Выступая в бундестаге, Аденауэр сделал крупное политическое заявление о том, что его правительство «*готово нормализовать отношения со “свободной Польшей”... урегулировать все спорные вопросы*», отметив, что «различия в государственном и экономическом укладе Германии и Польши не могут помешать этому (во всех случаях курсив мой. – А. Н.)»²².

Итак, по Аденауэру, первоочередная задача – это нормализация, т. е. установление дипломатических отношений, а затем урегулирование спорных вопросов. Понятно, что для ФРГ оставалась неприемлемой согласованная союзниками в 1945 г. граница по линии

20 Там же. Л. 126.

21 Там же. Л. 127.

22 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40. П. 1340. Д. 720. Л. 210.

Одер – Нейсе. Именно по существу этой проблемы Аденауэр и предлагал теперь договариваться. Правда, канцлер не уточнял, в чем конкретно будет состоять договоренность, хотя и намекал на это. В высказываниях западногерманской печати проводилась идея такого пути решения проблемы: «Поскольку наиболее важным связующим [геополитическим]²³ звеном между СССР и Польшей является граница по линии Одер – Нейсе, необходимо *добиться быстрейшего урегулирования* между западногерманским и польским правительствами *вопроса о территориальных претензиях ФРГ и Польши* (в обоих случаях курсив мой. – А. Н.)»²⁴.

В ФРГ, по всей видимости, под территориальной претензией польского руководства понимали собственный отказ Бонна признать польскими бывшие восточные земли Германии, то есть, по сути, – новую западную границу ПНР. Это непризнание было в высшей мере существенно для Польши, ибо граница Польши с ГДР являлась жизненно важным внутривосточным фактором как для польской власти и польского уже многомиллионного населения на бывших восточных и северо-восточных землях Германии, так и по внешнеполитическим мотивам – для государства Польша. Следует отметить, что на Западе не считались ни с польским признанием ГДР, ни с подписанием ПНР и ГДР Договора о демаркации государственной границы по линии Одер – Нейсе в 1950 г. Поэтому главная претензия ФРГ к Польше заключалась не столько в проблеме границы и установления Варшавой фактических отношений с Берлином в феврале 1950 г., сколько в официальном признании Польшей существования государства ГДР. Причем последнее было закреплено завершением в августе 1954 г. процесса передачи Москвой всей полноты государственной власти Берлину и подписанием договора об основах отношений ГДР и СССР, то есть признанием и советским руководством суверенности этой страны.

Таким образом, слова Аденауэра и мнения западной печати допустимо истолковать как сигнал для поляков о том, что в данный момент для Бонна не столь важна проблема границы, которая сама по себе еще только должна была стать предметом трудных переговоров с неопределенным результатом. Канцлер намеревался для начала выяснить позиции и договариваться мирным путем о нормализации контактов с Польшей, затем об установлении дипломатических

23 Здесь и далее пояснения и дополнения в квадратных скобках сделаны автором статьи.

24 Там же. Л. 211–112.

отношений между Бонном и Варшавой так, как при договоре ФРГ с СССР, то есть опуская вопрос границы по линии Одер – Нейсе. Вместе с тем граница (необратимость которой уже в тех условиях дальновидный канцлер ФРГ не мог не осознавать) могла рассматриваться Бонном как политический инструмент для продвижения к главной цели – добиться отказа Варшавы от признания ГДР, используя проблему западной границы для оказания политического давления на Польшу, и опосредованно – на действия ее гаранта – СССР.

Допустимо предположить, что линия Одер – Нейсе воспринималась в руководстве ФРГ как геополитический фактор. Выводя этот вопрос за скобки двустороннего переговорного процесса с Варшавой, по умолчанию воспринимая его как *окончательно решенный, но не признаваемый официально*, Бонн мог продвигаться к достижению двух главных целей – уничтожению ГДР посредством ее поглощения и подталкиванию ПНР к самостоятельному, без участия СССР, развитию отношений с ФРГ, конечной целью которого мог стать выход Польши из советского военно-политического блока. Таким образом, возможная долгосрочная стратегия ФРГ в деле объединения территории Германии состояла в фактическом признании отказа от восточных территорий, отданных Польше неотменным и практически не отменяемым решением глав великих держав в Потсдаме в 1945 г., без каких-либо официальных деклараций и соглашений. Идеологом такого общенационального замысла был канцлер К. Аденауэр. Он вряд ли не понимал, что ради продвижения к объединению Германии можно и нужно порой «напоминать» о непризнании линии Одер – Нейсе и тем оказывать эмоционально-политическое давление на руководство ПНР и на рядовых поляков, уже заселивших новые западные земли, тем самым эксплуатируя фактор не признаваемой официально границы на пути к возможному установлению дипломатических отношений с ПНР²⁵.

25 Польский историк В. Рошковский в своем исследовании так воспроизвел этот замысел: «Экономическая политика министра Эрхарда и дипломатия Аденауэра, которая строилась на активном включении [ФРГ] в процесс европейской интеграции и Североатлантический пакт, а также на **согласии с временным разделом Германии ценой непризнания его окончательным** (выделено В. Рошковским. – А. Н.), получала все более широкую поддержку. [...] Социал-демократы оставили мечты о быстром объединении Германии, зависимом тогда от советских условий, и высказались за участие ФРГ в Европейском экономическом союзе и НАТО».

Сведения о намерениях канцлера от лица партийной коалиции ХДС/ХСС «доставлялись» не только их сторонникам в стране, а это были большинство немцев, имевших право голоса в ФРГ, включая миллионы тех немцев, кто был выселен с бывших восточных территорий довоенной Германии. Такие сведения поступали и за пределы страны. Важнейшим каналом «доставки» знаний о намерениях руководства ФРГ служила как отечественная, так и зарубежная печать. 15 декабря 1956 г. в газете «Нью-Йорк Таймс» была опубликована информация из Бонна о заявлении члена Христианско-демократического союза – участника правившей коалиции и министра иностранных дел коалиционного правительства Г. Brentано: «Сегодня в осторожной форме [он] предложил вести с Польшей переговоры о компромиссном решении вопроса об оспариваемой Германией Восточной границе». Имелась в виду линия Одер – Нейсе, или граница ПНР и ГДР. Будучи затем во Франции, Brentано в интервью журналистам развивал эти соображения: «...со свободной Польшей можно выработать удовлетворительное соглашение “в европейском духе” [...], что означает готовность в общих интересах пойти на компромисс там, где затрагиваются национальные [немецкие и польские] цели, находящиеся в конфликте друг с другом». Министр полагал, что «культурные, экономические и там, где можно, политические отношения можно будет устанавливать постепенно»²⁶. 29 декабря 1956 г. последовало интервью Г. Brentано с рекомендацией двум народам – немцам в ФРГ и полякам в Польше – «с особенной осторожностью подходить к урегулированию вопроса о польско-германской границе», который «должен быть урегулирован не путем применения силы, а только посредством мирного решения». В этой связи Brentано подчеркнул «решимость Федерального правительства продолжать переговоры с Советским Союзом²⁷ по германскому вопросу, обсуждать любое разумное предложение, которое содействует воссоединению Германии»²⁸.

Отметим еще одно замечание Рошковского: «...Берлинский кризис 1961 г. убедил общество Западной Германии, что объединение на условиях Аденнауэра, то есть с позиции силы, будет невозможно». Оставалось, отметим мы, лишь молча принимать во внимание решение в Потсдаме о границе по Одере – Нейсе. См.: *Roszkowski W. Półwiecze*. S. 131–132.

26 АВП РФ. Ф. 0595. Оп. 3. П. 1326. Д. 677. Л. 136.

27 Договор ФРГ с СССР был подписан 13 сентября 1955 г. См. прим. 39.

28 АВП РФ. Ф. 0595. Оп. 3. П. 1394. Д. 752. Л. 176.

Проблема польско-германской границы была важнейшим элементом долгосрочной программы восстановления территории Германии не только правившей коалиции ХДС/ХСС, но и оппозиционной СДПГ. 3 декабря 1956 г. в пресс-бюллетене СДПГ было заявлено, что «установление дипломатических отношений между ФРГ и Польшей является необходимостью польской политики», что «Варшава проявила прямой и косвенный интерес в усиленном экономическом контакте с Западом, чтобы закрепить ту независимость, которой она достигла в последнее время в отношениях с СССР». Важно отметить послы социал-демократов о миролюбии германского народа, в котором «нет серьезных политических сил, которые бы стремились к решению вопроса о границе по Одере – Нейсе силой. Чтобы достигнуть воссоединения, необходим климат доверия с соседним польским народом». В последнем единодушно заверяли поляков не только левые – социал-демократы, но и руководство правой правящей коалиции ХДС/ХСС, включая и тех сотрудников контролируемого правыми МИД ФРГ, которые «раньше проявляли сдержанность в данном вопросе»²⁹.

Посетивший Польшу 29 декабря 1956 г. депутат бундестага от оппозиционной СДПГ Кальбитцер предполагал, что «в перспективе Польша будет выступать за воссоединение Германии, так как *в расколе Германии* близкие к Гомулке люди усматривают постоянную опасность взрыва... опасаются снова проводимого Западом вооружения, там [в Польше] все больше укрепляется идея европейского пакта безопасности (курсив мой. – А. Н.)», гарантами которого «должны быть США и СССР». Депутат, «отметив, что пограничный вопрос очень сложен, порекомендовал при установлении отношений не затрагивать вопрос о линии Одер – Нейсе, с тем чтобы урегулировать его позднее»³⁰. Это мнение социал-демократа перекликалось с тем, о чем говорили представители правивших в стране правых политических сил.

Судя по конкретно-историческому материалу, и правившая коалиция – ХДС/ХСС, и оппозиция – немецкие левые – социал-демократы, были единодушны в исключении силового варианта при решении вопроса о границе по Одере и Нейсе. Тогда еще «работала» национальная память о капитуляции Германии в 1945 г. В 1950-е гг. как правые, так и левые в ФРГ руководствовались представлениями немцев о главной и общей для них национальной цели – восстановлении единого

29 Там же. Л. 167.

30 Там же. Ф. 0122. Оп. 40. П. 340. Д. 720. Л. 206; Ф. 0595. Оп. 3. П. 1394. Д. 752. Л. 175.

немецкого государства, а также сохранявшимися в немецком обществе надеждами и требованиями о восстановлении его довоенной территории. В отличие от ситуации в Польше, здесь представители крупных политических сил ФРГ и население публично считали все еще отложенными, а не окончательными решения, принятые в Потсдаме о линии Одер – Нейсе. По словам того же Г. Брентано, Федеральное правительство при «твердой решимости» намеревалось «продолжать переговоры с Советским Союзом по германскому вопросу и обсуждать любое разумное предложение, которое содействовало бы *восстановлению Германии* (курсив мой. – А. Н.)»³¹. Таким образом, *официальные позиции* основных политических сил, представлявших настроения разных социальных слоев и групп населения ФРГ в середине 1950-х гг. по крупным вопросам политики на польском направлении, были весьма близкими. Объединяющим фактором был главный, нарушенный последствиями проигранной Германией войны в Европе национально-государственный интерес – восстановить проживание немцев на прежней национальной территории и в одном государстве, что прямо затрагивало национально-государственные интересы Польши и означало покушение на существование ГДР³². К вышесказанному следует добавить восстановление роли Германии как крупного европейского внешнеполитического фактора влияния на страны Восточной и Центральной Европы. Как считали в Бонне, путь к этому лежал через договоренности с Польшей и, согласно Аденауэру, через напоминание полякам о временном существовании границы по линии Одер – Нейсе³³.

31 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40. П. 340. Д. 720. Л. 279. Мнение МИД ФРГ было прокомментировано 6 февраля 1957 г. Заявлением МИД ГДР о неприкосновенности границы Одер – Нейсе, напомиавшим, что эта граница установлена не с ФРГ, а ГДР с Польшей. 8 февраля 1957 г. МИД ПНР назвал слова Брентано вновь поднятым «ревизионистским тезисом против западной границы Польши» (Там же. Ф. 0595. Оп. 3. П. 1394. Д. 752. Л. 191, 192).

32 В это время на территории Польши немецкое население составляло около 360 тыс. из более 24-миллионного польского большинства (Wysiedlenia, wypędzenia i ucieczki. 1939–1959. Atlas ziem Polski. Polacy – Żydzi – Niemcy – Ukraińcy / red. W. Sienkiewicz, G. Hryciuk; autorzy tekstu G. Hryciuk i in. Wrocław, 2008. S. 21).

33 С этой же целью политически эксплуатировался факт существования в ФРГ Союза немцев, изгнанных с восточных земель довоенной Германии. В ФРГ признавали, что голос этих немцев «играет большую роль в расчетах любой западногерманской партии» (АВП РФ. Ф. 0595. Оп. 3. П. 1326. Д. 677. Л. 135).

Официальным польским ответом на обсуждения в политических кругах и заявления официальных лиц ФРГ касательно территории Польши и польско-германской границы следует считать мнение находившегося с визитом в Индии премьер-министра ПНР Ю. Циранкевича. Оно было опубликовано 20 апреля 1957 г. в пресс-бюллетене СДПГ: «Циранкевич, имея в виду заявления правительства ФРГ о его отказе добиваться пересмотра германо-польской границы с помощью силы (курсив мой. – А. Н.), подчеркнул, что такое заявление следовало бы закрепить в международном соглашении, и если будет уверенность в миролюбии ФРГ, то отпадет и необходимость в Варшавском пакте³⁴ и в размещении советских войск в Польше». Как считали в СДПГ, речь шла о прямом «предложении Польши правительству ФРГ относительно переговоров. [...] Можно себе представить, какое влияние было бы оказано при известных обстоятельствах на активную политику в вопросе воссоединения, если бы Бонн сделал заявление Циранкевичу о возможности ревизии (так в документе. – А. Н.) Варшавского пакта»³⁵.

Слова Циранкевича и позиция Варшавы были приняты во внимание политиками в Бонне. Более того, идея нормализации отношений с ПНР получила развитие вплоть до предложений об установлении контактов. 25 июня 1957 г. газета «Дейче Цейтунг унд Виртшафт Цейтунг» констатировала: «Начало сделано... Бонн устанавливает первый осторожный контакт с Польшей. МИД направляет в Варшаву дипломата, который будет там помогать в работе паспортного отдела американского посольства... в определенное время за ним последует торговый работник. Обмен торговыми миссиями между Федеральной Республикой и Польшей мог бы после этого стать следующим официальным шагом». «Хотя оба правительства – писала газета – показали заинтересованность в установлении дипломатических отношений,

34 Имеется в виду военно-политическая Организация Варшавского договора, созданная СССР и ее союзниками по социалистическому лагерю в связи с ратификацией Парижских соглашений 1954 г. западными странами, которые предусматривали создание военной группировки Западноевропейского союза и включение ФРГ в состав НАТО. Для защиты стран – участниц ОВД были организованы Объединенные вооруженные силы стран социализма во главе с представителем СССР. В случае вооруженного нападения на кого-либо из участников договора они были обязаны оказать немедленную помощь всеми средствами, какие представятся им необходимыми.

35 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40. П. 340. Д. 720. Л. 279.

для этого должна быть найдена такая форма, которая четко отделила бы этот шаг от признания линии Одер – Нейсе (курсив мой. – А. Н.)».

Дипломатические отношения без признания границы – это и была «формула Аденауэра», реализованная, напомним, при подписании договора об установлении дипломатических отношений ФРГ с СССР в 1955 г. в Москве. Далее в газете говорилось: «Ни нынешнее, ни будущее правительства не смогли бы заплатить такую цену за обмен послами с “пятой оккупирующей державой”», т. е. с Польшей. Газета высказывала надежду, что «в Польше растет осознание того, что с Федеральной Республикой можно было бы поддерживать нормальные отношения, не настаивая на заявлении, гарантирующем спорную польско-германскую границу». На безусловном признании ФРГ линии Одер – Нейсе в качестве польско-германской границы твердо настаивала Польша, где в этом признании видели предварительное условие установления отношений с ФРГ³⁶.

В такой атмосфере летом 1957 г. в ФРГ шла предвыборная кампания и в Европе раздавались голоса в пользу разрешения проблемы границы между ПНР и ГДР путем переговоров заинтересованных сторон³⁷. Высказывались и лидеры СДПГ, находившиеся в оппозиции правившему блоку ХДС/ХСС. Председатель партии Э. Олленхауер 16 августа 1957 г. выступил с предвыборным обращением к немцам. Он обвинил правительство Аденауэра в том, что оно «придерживается курса, основанного на участии ФРГ в НАТО и препятствующего воссоединению Германии». СДПГ требовала «заключения соглашения, запрещающего размещение атомного оружия в обеих частях Германии и создающего в Европе пространство, свободное от атомного оружия»³⁸.

15 сентября 1957 г. в ФРГ состоялись выборы в бундестаг. Они завершились безусловной победой правых сил: союз ХДС/ХСС получил абсолютное большинство, К. Аденауэр сохранил пост канцлера. Накануне выборов в печати высказывались мнения, что «в случае победы ХДС

36 Там же. Л. 304–305.

37 Английские лейбористы, например, предлагали постепенный вывод иностранных войск из ФРГ, ГДР, Польши и Венгрии, а правительство ГДР в июле 1957 г. выдвинуло идею конфедерации двух немецких государств на основе мирного договора и отказа от ядерного оружия и затем и вывод иностранных войск с территории Германии. Запад предлагал свободные выборы в ФРГ и ГДР, что не поддержала Москва (*Andrzej Albert [Roszkowski W.]. Najnowsza historia Polski. 1918–1980. Londyn, 1989. S. 756*).

38 АВП РФ. Ф. 0595. Оп. 3. П. 677. Д. 1326. Л. 278–279.

на выборах в бундестаг новое правительство сразу же после выборов займется вопросом установления дипломатических отношений с Польшей» и первым шагом будет поездка торговой делегации в Варшаву. Говорилось и о том, что первые контакты с польским правительством якобы «уже установлены через посредников» и что, в частности, по вопросу о признании границы Одер – Нейсе может быть сделано заявление о том, что обмен послами ничего не изменит... с правовых точек зрения по вопросу о границе». Отметим чрезвычайно важное замечание печати: «... в Бонне считают, что в отношении Польши действуют те же предпосылки, что и в отношении Советского Союза». Это было прямое указание на договор ФРГ с СССР, содержавший положение лишь об установлении дипломатических отношений без упоминания проблемы границ³⁹.

По сообщению радио Гамбурга, на обсуждение в печати ФРГ политического будущего линии Одер – Нейсе лишь «в качестве польско-германской границы» 25 сентября 1957 г. отреагировал первый секретарь ЦК ПОРП В. Гомулка, причем «в необыкновенно резкой форме». Текст его речи был распространен Польским агентством печати и передан агентством Рейтер. Варшава заявила, что «если кто-либо предъявит Польше требование об изменении границы, то она даст лишь один ответ: либо Одер – Нейсе останется границей Польши, либо война». Коснувшись заявления канцлера Аденауэра «по вопросу о немецких восточных областях», Гомулка заявил, что «ни один поляк никогда ни с кем не будет говорить по поводу изменения границ Польши. Ни один поляк не выскажется за такое изменение границ, которое означало бы смерть отечества»⁴⁰.

Допустимо предположить, что прием в конце сентября 1957 г. канцлером К. Аденауэром представителей печати был своего рода ответом и на резкие заявления В. Гомулки. Вряд ли случайными были отдельное представление канцлеру корреспондента газеты ЦК ПОРП «Трибуна

39 Имелось в виду Соглашение между ФРГ и СССР об установлении дипломатических отношений, инициированное советской стороной в июне 1955 г. Ответ ФРГ о согласии обсудить вопрос об установлении дипломатических, торговых и культурных отношений был дан СССР 30 июня 1955 г. Делегация во главе К. Аденауэром прибыла в Москву 8 сентября 1955 г. С 9 по 13 сентября состоялись непростые переговоры, но договоренности были достигнуты, и 13 сентября Н. А. Булганин и К. Аденауэр обменялись письмами об установлении дипломатических отношений. (См. подробнее: История дипломатии. Т. 5. Кн. 1. С. 426–436.)

40 АВП РФ. Ф. 0595. Оп. 3. П. 1394. Д. 752. Л. 399.

люду» М. Подковиньского⁴¹, его короткая, но беседа с канцлером и неожиданные слова поляка о том, что «вопрос о границе в будущем может быть предметом переговоров». Это было то, что хотел услышать Аденауэр, который, в свою очередь, говорил о дружбе и отсутствии у его правительства реваншистских планов, отметив, что ему легко разговаривать с Подковиньским, так как «он – не коммунист». Канцлер подчеркивал, что «развитию отношений Польши и ФРГ мешают только коммунисты», а «Польше следует бояться русских», и вопрошал, почему поляки твердят «Одер – Нейсе», рекомендуя польскому журналисту держать связь с ведомством печати ФРГ⁴².

Прием для прессы и беседа польского журналиста с вновь избранным канцлером К. Аденауэром в Бонне состоялись накануне выступления министра иностранных дел ПНР и члена политбюро ЦК ПОРП А. Рапацкого на XII сессии Генеральной ассамблеи ООН 2 октября 1957 г. От имени своей страны министр заявил о готовности Польши ввести запрет «на производство и размещение на территории страны атомного и водородного оружия в том случае, *если оба немецких государства примут [на себя] такое же обязательство* (курсив мой. – А. Н.)». Это были одновременно и демонстрация признания Польшей государственности ГДР, и значительная заявка на участие Польши в изменении политической атмосферы в Центральной и Восточной Европе. Инициатива Рапацкого, соответствовавшая национальным интересам обеспечения безопасности территории Польши, была поддержана ее соседями – СССР, ГДР и Чехословакией⁴³. Однако упоминание Рапацким двух немецких государств, ФРГ и ГДР, сделало польскую идею о безъядерной зоне неприемлемой для ведущих западных держав, включая ФРГ⁴⁴.

41 По информации Польского агентства печати от 21 июня 1957 г., Бонн отказал Подковиньскому в продлении визы на пребывание в ФРГ. Польская сторона в ответ лишила корреспондента газеты «Ди Вельт» Л. Циммера продления визы на пребывание в ПНР (Там же. П. 677. Д. 1326. Л. 257). Однако, судя по вышеприведенному материалу, дело было улажено. Подковиньский, понятно по чьей воле, остался работать в Бонне.

42 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 147. С. 15–17. Шифротелеграмма посла СССР в ФРГ А. А. Смирнова в Москву от 1 октября 1957 г.

43 2 декабря 1957 г. канцлер Аденауэр выразил надежду на ослабление связей Польши с социалистическими странами (АВП РФ. Ф. 0595. Оп. 3. П. 1394. Д. 752. Л. 279).

44 Plan Rapackiego. Dokumenty i materialy / oprac. W. Nagórski, M. Tomala. Warszawa, 1959; Andrzej Albert [Roszkowski W.]. Najnowsza historia Polski... S. 757.

Тем не менее это не повлияло на интерес ФРГ к вопросу налаживания отношений с Польшей. Еще летом 1957 г. газета «Вельт унд Зонтаг» (Бонн) писала: «В случае победы ХДС на выборах в бундестаг новое правительство сразу же после выборов займется вопросом установления дипломатических отношений с Польшей»⁴⁵. Издатели газеты предполагали, что первым шагом будет направление торговой делегации в Варшаву, поскольку первые контакты с польским правительством «уже установлены через посредников», что не повлияет на подписание соглашений, обходя проблему границы по линии Одер – Нейсе⁴⁶. 3 ноября 1957 г. ТАСС передал в Москву сообщение из Варшавы собственного корреспондента издания промышленных кругов ФРГ «Индустрикурьер» под заголовком «Немецкая торговая миссия в Польше?». Внимание советской стороны обращалось, во-первых, на то, что «польское правительство больше не придерживается своей прежней точки зрения о том, что создание западногерманского торгового представительства с консульскими правами может быть допущено в Польшу лишь после установления дипломатических отношений между Польшей и ФРГ... напротив... оно [правительство Польши], кажется, готово согласиться на создание западногерманской торговой миссии до обмена послами». Во-вторых, в Варшаве «так же, как и прежде, заинтересованы в значительном расширении товарообмена между Польшей и Западной Германией». В-третьих, в польских внешнеторговых кругах «считают, что [для] западно-германской промышленности в Польше открылся бы крупный рынок, если бы Федеральная республика заключила с Польшей долгосрочное соглашение об импорте всего того количества каменного угля, которым Польша располагает для экспорта на Запад»⁴⁷.

23 ноября 1957 г. ТАСС распространил важную информацию из Гамбурга: «В пятницу из Бонна выехала германская делегация,

45 Более сдержанный, но несомненный интерес к Польше был и в США. Так, 7 июня 1957 г., подписывая экономическое соглашение с Польшей, вице-президент США Р. Никсон не сомневался, что «Польша коммунистическая страна», но посчитал, что «поляки все больше показывают свою решимость следовать курсу, независимому от СССР... Принимая это решение, мы не строим иллюзий, что наша политика обязательно приведет к успеху. Польский народ и правительство могут быть насильно приведены к полному подчинению Советскому Союзу. Но все же это игра, которая стоит свеч...» (АВП РФ. Ф. 0595. Оп. 3. П. 1394. Д. 752. Л. 316–317).

46 Там же. Л. 383.

47 Там же. Л. 410.

которая в понедельник начнет переговоры с представителями польского правительства о продлении торгового соглашения между двумя странами. Речь идет главным образом об увеличении поставок угля из Польши в Западную Германию». По сообщению ТАСС от 4 декабря 1957 г. из Варшавы, был подписан протокол о товарообмене с ФРГ на срок до 31 марта 1958 г. Он предусматривал увеличение экспорта из Польши в ФРГ каменного угля (до 2 млн т ежегодно) и пищевых продуктов, включая алкогольные напитки. ФРГ обязалась поставлять в Польшу промышленную продукцию, в том числе сталь, железо, оборудование, изделия химической и фармацевтической промышленности⁴⁸.

Как свидетельствуют документы, на рубеже 1950–1960-х гг. интерес сторон к взаимным контактам во имя развития отношений стал более существенным. Тогда, по приглашению Польши, но при явной заинтересованности немецкой стороны, состоялись встречи-беседы членов польского руководства с управляющим предприятиями фирмы А. Круппа, крупным и влиятельным промышленником Бертольдом Байцем – человеком, хорошо известным канцлеру К. Аденауэру и, похоже, действовавшим по поручению последнего. С начала 1958 г. произошло несколько бесед на территории Международной торговой ярмарки в Познани, где находился павильон этой фирмы. Первые беседы с министром иностранных дел А. Рапацким и министром торговли В. Тромпчиньским состоялись 10–13 февраля 1958 г. Обсуждали ситуацию в Европе и ФРГ, а также план Рапацкого о создании безъядерной зоны в Европе. Говорили, если верить Байцу, о необходимости увеличения торгового обмена, который невелик и потому, что нет дипломатических отношений, обсуждали вопрос строительства немцами автомобильного завода в Польше. Вторично встречались в начале июня 1958 г. по поводу открытия Международной ярмарки в Познани. Там произошла короткая встреча Байца с посещавшими ярмарку В. Гомулкой и членами польского правительства. Гомулка говорил о возможности увеличения торгового обмена с ФРГ «десятикратно», сожалел, что здесь нет официальных представителей ФРГ. Очередная встреча состоялась через год, летом 1959 г. На ярмарке уже работал официальный представитель ФРГ. На этот раз Байц беседовал и с официальным представителем ГДР на ярмарке Г. Рау⁴⁹.

48 Там же. Л. 414–416.

49 *Ruchniewicz R.* Misje Bertholda Beitza w Polsce na przełomie lat 50. i 60. // *Między październikiem a grudniem. Polityka zagraniczna doby Gomułki / pod red. K. Ruchniewicza, B. Szaynok, J. Tyszkiewicza.* Toruń, 2005. S. 181–183.

Как показывают материалы, приведенные польским историком Р. Рухневичем, содержание упомянутых выше бесед все активнее формировал Байц, находившийся в контакте с Аденауэром. Поляки ставили «вопросы торговли», но, по словам Байца, Рапацкий упоминал и обмен послами. Вовлекая поляков в дискуссию, Байц постепенно добавлял к сфере торговли культурный обмен, организацию консульств, подводя собеседников к обсуждению дипломатических отношений, но ни в коем случае не касаясь этого вопроса прямо. Следуя советам канцлера, предлагал налаживать отношения, исключая вопрос, который был главным для поляков, – о границе по Одру – Нейсе между ПНР и ГДР.

Летом 1960 г. павильон фирмы А. Круппа посетил польский премьер-министр Ю. Циранкевич, который беседовал с Байцем и фактически пригласил его посетить Польшу «вне ярмарки, тогда у нас будет время на общие беседы». Варшава определила время визита – декабрь 1960 г. и срок – на неделю. Решающим для итогов миссии Байца стал рубеж 1960–1961 гг. Немецкий промышленник прибыл в Варшаву 6 декабря 1960 г. Поляки встречали его на очень высоком уровне. Состоялся прием в официальной резиденции правительства и беседа с премьер-министром Ю. Циранкевичем в присутствии министра торговли В. Тромпчиньского. По возвращении в Бонн Байц 20 декабря 1960 г. проинформировал о состоявшихся в Варшаве неофициальных переговорах Аденауэра, который в своем блокноте сделал запись его слов: «Премьер Циранкевич многократно возвращался к вопросу установления отношений между Польшей и ФРГ», говорил, что «следует сначала организовать консульские отношения». На упрек Байца, что Польша ранее настаивала на обмене послами, премьер ответил, что «это делал Рапацкий, а не он», отметил, что из переговоров «можно исключить проблему границы по Одру и Нейсе» и, наконец, следует «покончить с прошлым». Однако в итоге польский премьер заявил, что «был бы рад, если бы ФРГ создала в Варшаве “немецкий дом” для презентации немецкой культуры». Кроме того, Байц дал понять канцлеру, что в Варшаве ждут от него ответа на сделанные предложения, и высказал убеждение, что «предложения Варшавы одобрены Кремлем»⁵⁰.

Из конкретного материала, процитированного выше, следует, что выводы и рекомендации Байца уже не во всем соответствовали актуальным польским интересам. В декабре 1960 г., не исключая

50 Ibid. S. 184–185.

продолжения контактов на уровне консульств, Варшава не была склонна к ускоренному развитию «полных дипломатических отношений». И Аденауэр, со своей стороны, вовсе не был сторонником поспешного развития событий на польском направлении. Как считает польский историк Р. Рухневич, изучавший польские и немецкие документы «миссии Байца» в Польше, получивший в архивах Берлина доступ и к отдельным советским документам о «миссии Байца» в Варшаве (переписка руководства ГДР с Москвой и советским послом в Бонне А. А. Смирновым), канцлер, нескорый на быстрые решения, вероятно, дал Байцу указания подождать до выяснения мнений в правительстве ФРГ, где преобладало отрицательное отношение к установлению контактов с поляками. В декабре 1960 г. на конференции НАТО в Париже министр обороны ФРГ Ф. Штраус высказался против концепции мирного сосуществования стран с разным социально-политическим строем, возможно, имея в виду в первую очередь отношения ФРГ с Польшей. В январе 1961 г. в ФРГ выражались сомнения в необходимости поспешно устанавливать с Польшей даже консульские отношения. 10 января 1961 г. на заседании парламентской фракции ХДС/ХСС Аденауэр сдержанно изложил содержание бесед Байца с Циранкевичем, завершив выступление общими словами: «было бы хорошо, если бы дело дошло до улучшения отношений с Польшей»⁵¹.

В таких условиях 12 января 1961 г. Аденауэр принимал советского посла в Бонне А. А. Смирнова, которому канцлер якобы сказал, что «улучшение отношений с Польшей уже много лет является его желанием. Хотя немцы, что он может сказать послу совершенно откровенно, виновны перед поляками, и это должен прочувствовать весь немецкий народ, даже если виновны в этом нацисты. Тяжесть этой вины лежит и на нем самом. Дойдет ли дело до каких-то конкретных действий, он сказать не может, так как только тогда можно предпринимать некие шаги, если знать, что они желаемы другой стороной. В любом случае он будет стараться *выяснить ситуацию в этой сфере*» (в обоих случаях курсив мой. – А. Н.)⁵². Это уведомление советского посла о настроениях канцлера на польском направлении одновременно было и намеком на возможность контактов Бонна с Варшавой при условии получения позитивной информации от польского руководства.

51 Ruchniewicz R. Misje Bertholda Beitza... S. 185; Andrzej Albert [Roszkowski W]. Najnowsza historia Polski... S. 814.

52 Цит. по: Ruchniewicz R. Misje Bertholda Beitza... S. 185–186.

Через неделю после беседы с советским послом, принимая Байца 18 января 1961 г., канцлер на сей раз допускал лишь возможность торговых и культурных отношений с Варшавой, соглашался на дальнейшие консультации, но за исключением вопроса о границе Одер – Нейсе. Конкретно было заявлено, что «если Байц получит от премьера Циранкевича заявление, что отношения между Польшей и нами ограничатся торговыми и под контролем, возможно, генерального консула, и культурными отношениями, и, если одновременно будет согласовано, что при заключении соглашения будет исключена проблема границы по Одру и Нейсе, он, [Аденауэр], даст согласие на встречу официальных представителей двух стран для продолжения дальнейших консультаций». И дальше: «Было бы показано, чтобы эти переговоры могли бы состояться в третьей стране, где оба государства имеют посольства». В качестве такого места был предложен Париж⁵³.

Немецкий вариант организации восстановления отношений не мог устроить польскую сторону. Варшава требовала от ФРГ сначала безусловного признания границы Одер – Нейсе и затем обсуждения вопроса дипломатических отношений, что было известно в Бонне. Но планы ФРГ были иными: на заседании Комиссии по иностранным делам бундестага ФРГ 19 января 1961 г. прозвучало: ФРГ не имеет намерений теперь устанавливать дипломатические отношения с Варшавой⁵⁴. Негативная реакция Варшавы на заявление в парламенте ФРГ не заставила себя ждать. 20–21 января 1961 г. во время заседания пленума ЦК ПОРП глава партии В. Гомулка резко отреагировал, в частности, на заявление Ф. Штрауса. Выступая с отчетом о деятельности партии, Гомулка утверждал: «Мы считаем, не предполагаем, а уверены, что открытое общее признание Аденауэром и его правительством того, что существующая на Одре и Нысе польско-немецкая граница установлена окончательно, содействовало бы сближению между Польшей и ФРГ»⁵⁵. Иными словами, Бонну было прямо указано: сначала признание границы, затем установление отношений. Это в свою очередь было неприемлемо с точки зрения «формулы Аденауэра».

Столь однозначная позиция Варшавы поставила в сложное положение Б. Байца, взявшего на себя функции эмиссара канцлера, ибо он предлагал польской стороне фактически от имени Аденауэра

53 Ibid. S. 186.

54 Ibid. S. 187.

55 Trybuna Ludu. 22 stycznia 1961; *Gomułka W. O problemie niemieckim. Artykuły i przemówienia.* Warszawa, 1984. S. 216.

вариант достижения договоренности в обход вопроса о границе. 22 января 1961 г., в тот день, когда были опубликованы решения Пленума ЦК ПОРП, Байц вновь прибыл в Варшаву. Вероятно, он намеревался сгладить отрицательный эффект от выступлений, звучавших в бундестаге и за его пределами. 23 января Байц был принят премьер-министром Ю. Циранкевичем. Посланец из Бонна отметил несоответствие многочисленных антипольских выступлений в ФРГ взглядам канцлера Аденауэра и от имени его правительства предлагал Циранкевичу заключение долгосрочного торгового договора, создание торговых миссий в Варшаве и Бонне и развитие контактов в сфере культуры. Установление дипломатических отношений между ФРГ и ПНР Байц считал итоговой целью, которой должно было предшествовать создание торговых представительств с правами консульской работы. Ю. Циранкевич отнесся к информации Байца негативно, назвав предложения Аденауэра возможными при условии признания границы Одер – Нейсе, пока же, полагал он, все это лишь политический маневр Бонна, который «может затруднить» нормализацию отношений. Польский премьер настаивал, что вопрос о границе не подлежит дискуссии. Циранкевич назвал неприемлемым и прозвучавший вопрос-предложение Байца об организации отношений ФРГ с Польшей по варианту Соглашения ФРГ и СССР⁵⁶. Вместе с тем, не желая, видимо, отправлять ситуацию в тупик, Циранкевич дал согласие на взаимодействие по экономическим вопросам: «Мы соглашаемся на проведение переговоров по вопросу заключения торгового соглашения... на период 3-х лет, что было бы полезно для ФРГ и для Польши»⁵⁷.

Официальную холодную оценку итогов миссии Б. Байца как политического события польское руководство дало через газету «Трибуна люду» 5 февраля 1961 г.: «К боннским заявлениям по вопросу отношений с Польшей следует подходить с полной осторожностью и оценивать заявления на основе действий и фактов». Так была

56 О содержании предложений Циранкевичу, изложенных представителем канцлера 23 января 1961 г., был уведомлен первый секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии В. Ульбрихт, весьма сдержанно относившийся к контактам Варшавы и Бонна. Информацию о беседе Циранкевича и Байца получил и советский посол в Варшаве П. А. Абрахимов, по мнению которого Аденауэр действовал не по своей инициативе, а по поручению США (*Ruchniewicz R. Misje Bertholda Beitza... S. 191*).

57 *Ruchniewicz R. Misje Bertholda Beitza... S. 188–189, 191*. Соглашение о создании торговой миссии ФРГ в Варшаве было подписано 7 марта 1963 г.

подведена политическая «черта» под обсуждением проблемы польско-германской границы в бундестаге при участии К. Аденауэра, в печати ХДС/ХСС и СДПГ и под усилиями Б. Байца. Однако в международной повестке сама проблема границы Польши с ГДР сохранялась. Незыблемость линии Одер – Нейсе твердо отстаивала советская сторона. 17 февраля 1961 г. во время беседы советского посла в ФРГ А. А. Смирнова с канцлером К. Аденауэром была изложена советская точка зрения по ряду актуальных вопросов международной ситуации. Посол говорил предельно четко: «Каждый здравомыслящий государственный деятель понимает, что границы, установленные после Второй мировой войны, окончательные... Мирный договор и разоружение – это самостоятельные вопросы... Советский Союз не требует никаких жертв от ФРГ. Единственное, что мы предлагаем, – это зафиксировать сложившееся после войны положение в Европе, юридически закрепить незыблемость установленных после войны границ, нормализовать на основе разумного учета интересов всех сторон положение в Западном Берлине»⁵⁸.

Судя по содержанию документа, из всех упомянутых в нем крупных международных проблем первоочередной для руководства СССР была тогда проблема устойчивости границы Польши с ГДР. Для этого предлагалось юридически закрепить решения великих держав в 1945 г. о государственно-территориальном размежевании в Центральной Европе, гарантировать территориальную целостность не только самой Польши, но и граничивших с ней СССР и ГДР, не допустить непризнания линии Одер – Нейсе, что в руках правительства ФРГ было политическим инструментом, нацеленным на разрушение сложившихся по итогам войны территориальной целостности Польши и СССР и на уничтожение новой страны – ГДР.

Реакцией на представленную А. А. Смирновым советскую позицию по границе можно считать заявление канцлера К. Аденауэра о готовности заключить с Польшей пакт о ненападении, прозвучавшее на пресс-конференции 1 марта 1961 г. Ответил канцлеру глава ЦК ПОРП В. Гомулка. Выступая на собрании общественности Варшавы по поводу предстоявших в Польше выборов в сейм, он требовал сначала признания Бонном границы Польши с ГДР по линии Одер – Нейсе, затем установления двусторонних контактов. В правительственных кругах ФРГ ответ лидера ПОРП был встречен «с досадой и сожалением». Отреагировали на слова Гомулки многие органы печати ФРГ.

58 АВП РФ. Референтура по ФРГ. 1961 год. Оп. 6. П. 28. Д. 035. Л. 25–26.

20 марта 1961 г. газета «Франкфуртер нейе прессе» констатировала, что «федеральное правительство вынуждено отклонить польское требование о признании границы по Одере – Нейсе», поскольку польское настаивание на этом признании «практически делает невозможным германо-польское сближение»⁵⁹.

21 марта 1961 г. на требование В. Гомулки отреагировал целый ряд печатных органов ФРГ. Газета ведущей правящей партии ХДС «Боннер рундшау» утверждала, что на Польшу оказали давление Советский Союз и ГДР, которые-де в настоящий момент «не хотят отношений между Бонном и Варшавой». Издание промышленных кругов ФРГ «Индустрикурьер», имея в виду негативную реакцию правительственных кругов ФРГ на выступление Гомулки, осторожно писало: «Решительное отклонение пакта о ненападении может привести к тому, что ФРГ больше не будет пытаться приблизить этим путем германо-польское взаимопонимание». Подчеркивалось: «Федеральное правительство до сих пор не предлагало установления полных дипломатических отношений с Польшей. Предложение сводилось к учреждению торговых миссий с консульскими правами, на это конкретное предложение до сих пор нет польского ответа». Упрек был неправомерным. Еще 23 января 1961 г. Ю. Циранкевич по этому поводу дал положительный ответ. Газета «Гамбургерабенд-блатт» одобряла действия правительства, которое «сделало хорошо, воздержавшись от всякого официального комментария по поводу последнего высказывания Гомулки». Некоторые органы печати считали возможным урегулирование отношений двух стран на основе определенного компромисса. Так, газета «Штутгартен цейтунг» указывала: «Проблема изменения климата в германо-польских отношениях состояла и продолжает состоять в том, что возможно ли найти среднюю линию, не требующую от обеих сторон невыполнимых жертв»⁶⁰.

Откликнулась на слова В. Гомулки и оппозиционная печать ФРГ. Руководство Свободной демократической партии заявило на съезде 2 марта 1961 г.: «Свободные демократы сожалеют, что с Польшей и Чехословакией нет дипломатических отношений. Дипломатические отношения должны способствовать переговорам и тем самым служить делу мира. [...] В связи с заявлением Гомулки свободные демократы констатируют, что ответственность за сохранение теперешнего ненормального состояния, т. е. за отсутствие дипломатических

59 АВП РФ. Референтура по ФРГ. 1961 г. Оп. 6. Д. 53. Л. 41.

60 Там же. Л. 42–43.

отношений, несет только Польша». Главная оппозиция в лице Социал-демократической партии Германии, словно заглянув в будущее, высказала весьма дальновидное предположение: «Гомулка знает, что время работает на него и он может себе позволить говорить твердо. Союзники ФРГ уже давно и недвусмысленно заверили его, что они не шевельнут ни одним пальцем против польской позиции в вопросе о границах. Эта позиция наших великих союзников – как считает Гомулка – приведет к тому, что Бонн в один прекрасный день сам будет вынужден согласиться с границей по О[деру]– Н[ейсе] не только де-факто, но и формально»⁶¹.

Учитывая преобладавшие в руководстве ФРГ негативные политические суждения по вопросам отношений с Польшей, которые отражала в том числе и печать ФРГ, В. Гомулка накануне голосования на выборах в сейм на встрече с избирателями 9 апреля 1961 г. подвел итог заочному (через Б. Байца) диалогу с К. Аденауэром: «С нормализацией отношений с Бонном можно еще подождать»⁶². Контакты ПНР и ФРГ, тем не менее, сохранялись и медленно развивались по линии торговли.

Итак, судя по вышеприведенному конкретному материалу, ПНР и ФРГ в начале 1960-х гг. не были готовы к прорыву в двусторонних межгосударственных отношениях. Не исключено, что политически дальновидный канцлер К. Аденауэр понимал неотменяемость решения о границе Польши с ГДР, а значит неизбежность когда-то признания Бонном потери для ФРГ части довоенной германской территории, вовсе не желая преждевременно взять на себя ответственность за это. Канцлер использовал фактор границы в политическом противостоянии руководству ПНР и СССР. Периодически публично напоминая Варшаве о непризнании границы, он, возможно, предполагал установление дипломатических отношений с ПНР тогда, когда мощный Запад в соревновании двух социально-экономических и политических систем одолеет экономически отстающий Восток. Для руководства ФРГ время договариваться с Польшей о линии Одер – Нейсе еще не пришло. Что касается польской стороны, то упорство и однозначность требования ПНР к Бонну признать границу было польским условием развития всего комплекса политико-дипломатических отношений с ФРГ. Это, на первый взгляд, самоограничение внешнеполитической деятельности

61 Там же. Л. 43.

62 *Ruchniewicz R. Misje Bertholda Beitza... S. 190; Andrzej Albert [Roszkowski W.]. Najnowsza historia Polski... S. 185.*

имело для Варшавы большую моральную, материальную и политическую стоимость. Речь шла о территории проживания 24 млн поляков, удовлетворении их национально-государственных интересов и обеспечении безопасности Польши. Правда, граница, которую поляки упорно отстаивали, была закрыта для реализации претензий со стороны ФРГ не Польшей, а решением глав великих держав в августе 1945 г. Она не могла быть изменена путем агрессии со стороны ФРГ: за Польшей стоял с 1945 г. СССР – единственная из великих держав – подписантов неотменяемых законным путем документов Потсдама, которая 25 лет был надежным гарантом устойчивости границы по линии Одер – Нейсе и внешнеполитическим союзником Польши, обеспечившим ее признание ФРГ в 1970 г.

Источники и литература

Архив внешней политики РФ (АВП РФ).

Архив Президента РФ (АП РФ).

Гавриловец Л. В. К вопросу о польско-германских отношениях в 1949–1955 гг. // Современная научная мысль. 2020. № 4. С. 162–169.

История дипломатии / под ред. А. А. Громыко и др. М.: Политиздат, 1974. Т. 5. Кн. 1. 752 с.

Носкова А. Ф., Григорьянц Т. В. Згожелецкий договор 1950 г. // Советское славяноведение. 1975. № 5. С. 3–12.

Орехов А. М. Беседы под сводами Бельведера. Встреча советских и польских руководителей в Варшаве 19 октября 1956 г. // Славянский альманах. 2007. М.: Индрик, 2008. С. 460–509.

Орехов А. М. Очерки истории экономических отношений СССР – ПНР. 1944–1957. М.: Индрик, 2017. 272 с.

Польша в XX веке. Очерки политической истории / редкол.: Г. Ф. Матвеев, А. Ф. Носкова (отв. ред.), Л. С. Лыкошина. М.: Индрик, 2012. 952 с.

Рыхловский Б. В борьбе шестидесятых // 1968 год. «Пражская весна»: 50 лет спустя. Очерки истории / редкол.: Т. В. Волокитина (отв. ред.), А. Р. Лагно, А. Ф. Носкова, Б. С. Новосельцев. М.; СПб.: Институт славяноведения РАН; Нестор-История, 2021. С. 267–309.

Станков Н. Н. ГДР и ее восточные соседи. Становление отношений с Польшей и Чехословакией. 1949–1955. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991. 132 с.

Andrzej Albert [Roszkowski W.]. *Najnowsza historia Polski. 1918–1980*. Londyn: Polonia, 1989. 1093 s.

Friszke A. *Polska. Losy państwa i narodu. 1939–1989*. Warszawa: Wydawnictwo ISKRY, 2003. 517 s.

Gomułka W. *O problemie niemieckim. Artykuły i przemówienia*. Warszawa: Książka i wiedza, 1984. 469 s.

Plan Rapackiego. *Dokumenty i materiały / oprac. W. Nagórski, M. Tomala*. Warszawa: Książka i wiedza, 1959. 182 s.

Polska w stosunkach międzynarodowych. 1945–1989. Wybór dokumentów / oprac. J. Zajac. Warszawa: Wyd-wo Uniwersytetu Warszawskiego, 2005. 322 s.

Roszkowski W. *Półwiecze. Historia polityczna świata po 1945 roku*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1997. 636 s.

Ruchniewicz R. *Misje Bertholda Beitza w Polsce na przełomie lat 50. i 60. // Między październikiem a grudniem. Polityka zagraniczna doby Gomułki / pod red. K. Ruchniewicza, B. Szaynok, J. Tyszkiewicza*. Toruń: Adam Marszałek, 2005. S. 181–193.

Trybuna Ludu. 22 stycznia 1961.

Wysiedlenia, wypędzenia i ucieczki. 1939–1959. Atlas ziem Polski – Polacy – Żydzi – Niemcy – Ukraińcy / red. W. Sienkiewicz, G. Hryciuk; autorzy tekstu G. Hryciuk i in. Wrocław: Demart, 2008. 240 s.

References

Andrzej, Albert [Roszkowski, W.]. *Najnowsza historia Polski. 1918–1980*. Londyn: Polonia, 1989, 1093 p.

Friszke, A. *Polska. Losy państwa i narodu. 1939–1989*. Warszawa: Wydawnictwo ISKRY, 2003, 517 p.

Gavrilovets, L. V. “K voprosu o pol'sko-germanskikh otnosheniakh v 1949–1955 gg.” *Sovremennaiia nauchnaia mysl'*, 2020, No 4, pp. 162–169.

Gomułka, W. *O problemie niemieckim. Artykuły i przemówienia*. Warszawa: Książka i wiedza, 1984, 469 p.

Istoriia diplomatii, ed. by A. A. Gromyko et al. Moscow: Politizdat, 1974, vol. 5, book 1, 752 p.

Noskova, A. F., Grigor'iants, T. V. “Zgozheletskii dogovor 1950 g.” *Sovetskoe slavianovedenie*, 1975, No 5, pp. 3–12.

Orekhov, A. M. “Besedy pod svodami Bel'vedera. Vstrecha sovetskikh i pol'skikh rukovoditelei v Varshave 19 oktiabria 1956 g.” *Slavianskii al'manakh*. 2007. Moscow: Indrik, 2008, pp. 460–509.

Orekhov, A. M. *Ocherki istorii ekonomicheskikh otnoshenii SSSR – PNR. 1944–1957*. Moscow: Indrik, 2017, 272 p.

Plan Rapackiego. Dokumenty i materialy, oprac. W. Nagórski, M. Tomala. Warszawa: Książka i wiedza, 1959, 182 p.

Pol'sha v XX veke. Ocherki politicheskoi istorii, ed. by G. F. Matveev, A. F. Noskova, L. S. Lykoshina. Moscow: Indrik, 2012, 952 p.

Polska w stosunkach międzynarodowych. 1945–1989. Wybór dokumentów, oprac. J. Zając. Warszawa: Wyd-wo Uniwersytetu Warszawskiego, 2005, 322 p.

Roszkowski, W. *Półwiecze. Historia polityczna świata po 1945 roku*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1997, 636 p.

Ruchniewicz, R. “Misje Bertholda Beitza w Polsce na przełomie lat 50. i 60.” *Między październikiem a grudniem. Polityka zagraniczna doby Gomułki*, ed. by K. Ruchniewicz, B. Szaynok, J. Tyszkiewicz. Toruń: Adam Marszałek, 2005, pp. 181–193.

Rykhlovskii, B. “V bor'be shestidesiatykh.” *1968 god. «Prazhskaia vesna»: 50 let spustia. Ocherki istorii*, ed. by T. V. Volokitina, A. R. Lagno, A. F. Noskova, B. S. Novosel'tsev. Moscow; St Petersburg: Institut slavianovedeniia RAN; Nestor-Istoriia, 2021, pp. 267–309.

Stankov, N. N. *GDR i ee vostochnye sosedii. Stanovlenie otnoshenii s Pol'shei i Chekhoslovakiei. 1949–1955*. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1991, 132 p.

Wysiedlenia, wypędzenia i ucieczki. 1939–1959. Atlas ziem Polski – Polacy – Żydzi – Niemcy – Ukraińcy, ed. by W. Sienkiewicz, G. Hryciuk; authors G. Hryciuk et al. Wrocław: Demart, 2008, 240 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.05

A. F. Noskova

**On the History of PPR – FRG Treaty of 1970:
From the Conflict of Interests to First Contacts
(Late 1940s – Early 1960s)**

Albina F. Noskova

Doctor of History, chief research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: noskova.albina@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-9629-5648

Citation

Noskova A. F. On the History of PPR – FRG Treaty of 1970: From the Conflict of Interests to First Contacts (Late 1940s – Early 1960s) // Slavic Almanac. 2025. No. 1–2. P. 105–138 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.05

Received: 25.06.2024.

Revised: 17.09.2024.

Accepted: 18.03.2025.

Abstract

The issue of the recognition of the Oder–Neisse line as the western border of Polish People’s Republic (PPR) was one of the most important problems in the international relations in the Central and Eastern Europe after the World War II. The solution of the problem was complicated by the creation of two German states, the Federal Republic of Germany (FRG) and the German Democratic Republic, which didn’t recognize each other. PPR managed to sign Treaty of Zgorzelec with GDR in 1950, which legalize the Oder–Neisse line as the western border between the two states. This border wasn’t recognized by Konrad Adenauer, the chancellor of FRG and the ruling coalition of CDU / CSU. At the same time the government of the FRG was ready to develop Polish-German relations in economy and culture, from time to time reminding to the PPR about non-recognition of the Oder–Neisse line as the Polish western border. Adenauer’s tactic was implemented through the exchange with the Polish side by the public declarations and publications in press as well as through the contacts between the government of the PPR and Berthold Beitz, the influential businessman and unofficial emissary of the chancellor. The PPR supported ties with Beitz, but on the main issue its position remained firm and unchangeable: first the recognition the Oder–Neisse line as the border and only then the establishment of diplomatic relations. The PPR could pursue such a policy due to the Soviet Union, which had been defending the Oder–Neisse line as the western Polish-German border since 1945.

Keywords

The Polish People’s Republic, the Federal Republic of Germany, Polish-German relations, the history of the Soviet foreign policy, the inviolability of frontiers, the territorial integrity.